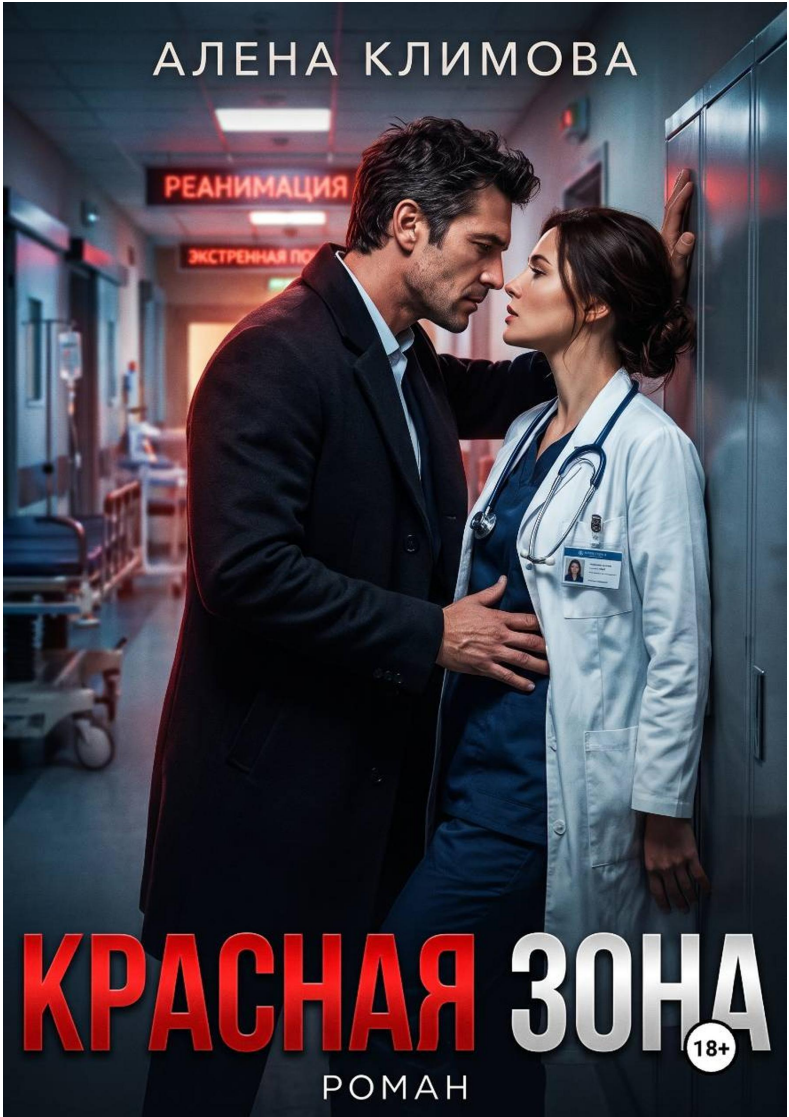

АЛЕНА КЛИМОВА
РЕАНИМАЦИЯ
КРАСНАЯ ЗОНА
18+
РОМАН

Алена Климова
Красная зона

https://litres.ru/74758298
SelfPub; 2026

Аннотация

В экстренной реанимации клиники «Гелиос» я привыкла вытаскивать людей с того света и держать удар. Но за пределами больницы моя жизнь трещит по швам: родной отец проиграл нашу квартиру, в доме хозяйничают вымогатели, а обаятельный коллега, которому я верила, строит карьеру на моих спасенных пациентах и прячется за чужие спины при первой же опасности.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 28
Глава 3 54
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Алена Климова
Красная зона

Глава 1

По всей гостиной разносился омерзительный трезвон будильника. Звук, от которого хотелось кого-нибудь придушить. Желательно создателя утренних смен.

— Да выруби ты его уже! — раздалось от дверей.

Следом мне в лицо прилетело скомканное вафельное кухонное полотенце.

На секунду воцарилась тишина, а затем телефон на полу заверещал по третьему кругу.

— Лера, твою мать! — Катька заглянула в комнату из коридора, вооруженная деревянной лопаткой. — Он орет пять минут подряд! У меня на кухне тосты сгорели!

Стянув полотенце с носа, я свесила руку с дивана, нащупала холодный экран и ткнула пальцем наугад. Под ладонью мигнуло банковское уведомление: *«Списание по кредиту: 48 500 руб. Доступный остаток: 1 340 руб.»*.

Прекрасное начало дня. Восхитительное.

Любоваться четырехзначной суммой до аванса желания было мало. Я заблокировала телефон и села, разминая затекшую шею. Дизайнерский диван в Катькиной гостиной ши-

карно смотрелся на страницах каталога, но за три ночи мой позвоночник проклял его создателей до седьмого колена.

На кухне пахло молотой арабикой и горелым хлебом. Катя, уже одетая в джинсы и водолазку, стояла у раковины и сосредоточенно скребла ножом обугленный тост. На столе дымились две кружки с кофе.

— Живая? — подруга обернулась через плечо и придирчиво уставилась на мою ключицу, с которой сползла футболка на одно плечо. — Ого. Почернел.

Я молча поправила одежду и опустилась на табурет, придвигая к себе кружку.

— Мазь на полке в ванной возьми, — бросила Катя, стряхивая крошки в мойку. — Сверкнешь такой красотой на пятиминутке — Игнатьев решит, будто мы по ночам в приемном покое бои без правил устраиваем.

— У меня под хирургичкой закрытый ворот будет, — отозвалась я, делая первый глоток обжигающего кофе. В голове наконец начало проясняться.

— Твой звонил вчера?

— Четыре раза.

— Брала?

— Я похожа на самоубийцу? Мне все равно сейчас домой заехать придется. Чистая форма в шкафу осталась, да и папку с документами для кадров забрать надо.

Катя отложила нож, уперлась бедром в столешницу и смерила меня тяжелым взглядом реаниматолога.

— Лер, возьми мой костюм из комода, размер один.

— Кать, семь утра. Он спит мертвым сном, — отмахнулась я. — Забегу на пять минут, схвачу вещи и сразу в клинику.

«И заодно проверю, все ли в квартире на месте», — добавила про себя.

Подруга открыла рот для гневной тирады, но вдруг осеклась. Вытерла ладони о полотенце и тихо опустилась на табурет напротив.

Вот тут я напряглась.

Орущая и размахивающая лопаткой Катька — штатный режим. Молчаливая Катька, прячущая глаза в пол, — верный признак катастрофы.

— Выкладывай, — потребовала я. — Игнатьев опять график дежурств перекроил?

— Мне ночью письмо из Мюнхена пришло, — она провела пальцем по краю кружки и выдохнула. — Одобрили резидентуру.

Секунду я молча смотрела на нее, переваривая новость.

Мюнхенская клиника. Грантовая программа, ради которой подруга два года зубрила немецкий по ночам в ординаторской между вызовами скорой.

— Серьезно?! — я с грохотом опустила кружку, и кофе плеснул на стол. — Катька! Да ладно?!

— Вылет через три недели, — на ее губах появилась виноватая улыбка. — Только хозяйка квартиры вчера вечером

позвонила. Продлевать договор без меня отказывается, сюда ее племянница въезжает. Лер, я понятия не имею, куда ты теперь...

— Тормози, — перебила я ее на полуслове. — Вздумаешь мне тут благотворительность разводить из-за моих семейных проблем — лично упакую в чемодан и сдам в багаж. Три недели? Отлично. С тебя завтра после смены ведро латте с карамельным сиропом.

— С двойным, — фыркнула она, и напряжение с ее плеч спало.

На свой четвертый этаж я поднималась пешком, заранее готовясь к привычной картине: перегар с порога, разбросанные по прихожей ботинки и храп за закрытой дверью.

Повернула ключ в замке на два оборота и толкнула дверь.

И застыла на коврике со стянутым шарфом в руке.

В коридоре блестел вымытый пол. Мои осенние полусапожки стояли на полке ровненько, начищенные кремом. А из кухни тянуло жареной картошкой с луком и домашними котлетами.

Осторожно ступая по прихожей, я дошла до кухни и остановилась в проеме.

Отец стоял у плиты в старой клетчатой рубашке и переворачивал лопаткой котлеты на чугунной сковороде. Трезвый, с аккуратно зачесанными седыми волосами. На столе возле миски с солеными огурцами уже грелся заварочный чайник под маминым вязаным колпаком.

— Пришла, дочка? — он обернулся и робко улыбнулся. — А я гляжу на часы — скоро семь, тебе же на сутки сегодня. Проходи, мой руки, все с пылу с жару. Опять ведь в своей больнице до ночи на одном кофе пробегаешь.

Пальцы сами собой сжали ремешок сумки. Вся моя злость, копившаяся трое суток, вмиг испарилась.

С буйным игроманом, крушащим мебель в поисках заначки, бороться было просто. Вызвать наряд и уехать ночевать к подруге — тоже просто. Но сейчас у плиты стоял папа из моего детства, встречавший меня с ночных практик в медуниверситете горячим ужином.

— Я позавтракала у Кати, пап, — глухо отозвалась я. — За формой заехала.

— Ну хоть чаю горячего выпей, на улице ветер ледяной, — он выключил конфорку и подвинул ко мне кружку с ромашками. — Я вчера кран в ванной починил, больше не капает. И полку в коридоре подтянул.

Я прислонилась плечом к косяку и взяла кружку. Сделала пару глотков, слушая его рассказ про соседского спаниеля, застрявшего вечером в грузовом лифте, и на минуту позволила себе поверить в чудо. Вдруг позавчерашний привод в полицию наконец отрезвил его?

— Опаздываю, — взглянув на экран телефона, спохватилась я и отставила чашку. — Побегу.

В своей комнате я сняла с вешалки хирургический костюм, сунула его в пакет и потянулась на верхнюю полку

шкафа за папкой с документами.

Рядом со стопкой анатомических атласов стояла резная шкатулка.

Взгляд зацепился за светлую полоску в слое пыли на полированном дереве — коробку недавно двигали.

Я сняла шкатулку и откинула крышку.

На синем бархате чернели две пустые прорези. Мамины золотые серьги с гранатами исчезли. Единственная память о ней, которую я берегла, боялась лишний раз надеть, чтобы не потерять.

На кухне звякнула крышка контейнера.

— Лерусь, я тебе котлеты с собой положил! — бодро крикнул отец. — Хлеба отрезать?

Крышка шкатулки захлопнулась. На глаза навернулись слезы.

Я сунула папку под мышку, подхватила пакет с формой, вышла в коридор и захлопнула за собой входную дверь, оставив его вопрос висеть в воздухе.

В отделении экстренной помощи клиники «Гелиос» пахло антисептиками. А у центральной стойки стоял Максим Соколов, в отутюженном голубом костюме, небрежно опираясь локтем о мраморную столешницу, и травил байки двум новеньким медсестрам. Девчонки хлопали ресницами и смотрели на него как на божество.

— О, Воронова! — заметив меня, Максим отлип от стой-

ки и шагнул навстречу с бумажным стаканчиком в руке. — Двойной американо, без сахара. Выручай, друг. Возьмешь сегодня мою писанину по дневному стационару? Игнатьев хочет видеть меня на обходе у випов во втором корпусе.

— А премию за твой дневной стационар тоже мне выпишут, Соколов? — прищурилась я, забирая стаканчик.

— Ну ты же знаешь шефа, ему важно поторговать моим лицом перед спонсорами, — Максим обезоруживающе улыбнулся, ничуть не смутившись. — С меня ужин из итальянского ресторана!

Ответить я не успела.

Двери приемного шлюза с шипением разъехались. Вместо обычной бригады скорой в холл ворвались двое рослых охранников в костюмах, расчищая путь каталке частной реанимации. Следом за ними стремительным шагом шел мужчина в расстегнутом графитовом пальто.

Высокий, около сорока, с резкими чертами лица и ледяным прищуром темных глаз. А позади процессии, запыхавшись и на ходу застегивая халат, семенил наш заведующий — профессор Игнатьев.

— Александр Викторович, умоляю, не волнуйтесь, вся кардиология уже на ногах! — лебезил шеф, заглядывая посетителю в лицо. — Сейчас наш лучший специалист проведет осмотр! Максим Андреевич, срочно в первую противошоковую!

Мы с Максимом рванули за каталкой в бокс.

На столе лежала пожилая женщина с пепельным лицом, судорожно хватающая ртом воздух.

— Давление семьдесят на сорок, пульс сто шестьдесят! — на ходу бросил врач частной бригады. — Приступ начался сорок минут назад, на нитраты реакции ноль, боль за грудиной нарастает!

Корсаков встал прямо у изголовья стола, нависая над медсестрой Олей. От его присутствия у девчонки ходили ходуном руки — игла соскользнула, пробив вену насквозь.

— Вы издеваетесь?! — голос Корсакова прозвучал негромко, но Оля побелела как мел. — Игнатьев, кого ты сюда поставил? Практиканток?! Случится непоправимое — я твою богадельню по кирпичу разберу и землю солью засыплю!

Я обошла стол, плечом оттеснила перепуганную медсестру и перехватила жгут.

— Покиньте реанимационный зал, — скомандовала я мужчине в пальто, одним движением ставя катетер в вену пациентки.

В боксе повисла тишина. Игнатьев застыл с открытым ртом. Корсаков медленно повернул голову и смерил меня тяжелым взглядом сверху вниз.

— Вы с кем сейчас разговариваете, доктор... — он прищурился, выхватывая глазами строчку на моем бейдже. — Воронова? Я Александр Корсаков. И я останусь здесь.

— За дверью будете Александром Корсаковым, — я под-

няла голову и посмотрела прямо в его темные глаза. — А здесь вы посторонний в уличной одежде, разносящий грязь в стерильной зоне и пугающий мне персонал. На выход. Живо.

На скулах Корсакова заиграли желваки. В воздухе ощутимо запахло грозой. Игнатьев за его спиной отчаянно замахал мне руками, делая страшные глаза, но меня уже несло. Утренний баланс на карте, украденные серьги и чужие отчеты Максима слились в одну точку кипения.

— Саша... выйди за дверь, — вдруг раздался слабый голос с каталки. Мать Корсакова приоткрыла глаза и цепко ухватила меня холодными пальцами за запястье. Даже на грани обморока в ней чувствовалась железная порода. — Не смей кричать на врача... Девочка дело говорит. Слышишь,доктор? У меня спину... между лопаток... будто клин вбили...

Я мгновенно перевела взгляд на ее шею и прижала пальцы к левому запястью женщины. Затем к правому. На левой руке пульса не было вовсе.

— Максим, отставить инфарктный протокол! Не вздумай вводить разжижающее! — крикнула я, хватая датчик УЗИ-аппарата и прижимая его к грудине пациентки. — У нее расслоение аорты, кровь идет в сердечную сумку!

Максим глянул на экран монитора и изменился в лице:

— Черт... Точно. Опускай давление, готовьте пункцию! Оперблок на телефон, срочно!

Дальше мы работали в четыре руки. Соколов держал датчик, выводя мне картинку на экран, а я вела длинную иглу

под грудину, откачивая кровь и освобождая зажатое сердце.

Корсаков стоял за стеклянной перегородкой бокса, сложив руки на груди, и буравил меня немигающим взглядом. Все его миллиарды, связи и охрана сейчас стоили ровно ноль — жизнь его матери держалась на кончике моей иглы.

На мониторе наконец выровнялась зеленая линия давления. Женщина на столе глубоко вздохнула, и синева начала сходить с ее губ.

— Стабильна! Везите в операционную к сосудистым! — скомандовал Максим, стягивая перчатки.

Как только каталку вывезли в коридор к лифтам, Игнатьев тут же подскочил к Корсакову, расплываясь в угодливой улыбке:

— Александр Викторович, кризис миновал! Я же говорил — у нас лучшие умы! Максим Андреевич за секунды распознал сложнейший случай и спас Елену Станиславовну! Мы как раз в пятницу утверждаем его на должность заместителя главы департамента с двойным окладом!

Я остановилась в дверях бокса, сжимая в руке пустой флакон из-под антисептика.

Максим скромно потупил взгляд и развел руками:

— Ну, Павел Борисович, это командная работа, Лера вот тоже вовремя подключилась...

«Вовремя подключилась?!» — у меня в ушах зашумело от злости.

Я ждала, как Корсаков сейчас пожмет руку нашему золо-

тому мальчику. Но владелец заводов и пароходов на Соколова даже головы не повернул.

Он шагнул прямо ко мне, останавливаясь в полушаге и вынуждая меня задрать подбородок. От него пахло дорогим парфюмом, холодным октябрьским ветром и неприкрытой угрозой.

— Поздравляю с карьерой, доктор Соколов, — ровным голосом произнес Корсаков, глядя исключительно в мои глаза. — А лечащим врачом моей матери на время реанимации назначаю доктора Воронову. С личным отчетом мне в кабинет каждые три часа. Свободны оба, Игнатьев.

Заведующий с Максимом поспешили ретироваться в сторону ординаторской, а Корсаков задержался на секунду, наклонился к моему уху и тихо обронил:

— Еще раз выставишь меня за дверь таким тоном, Воронова, — будешь искать работу за полярным кругом. Жду в VIP-блоке ровно в двенадцать.

— В двенадцать пятнадцать, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу. — В двенадцать у меня перевязки. И пальто в следующий раз сдавайте в гардероб.

На его губах мелькнула хищная усмешка. Он развернулся и зашагал к лифтам.

К одиннадцати вечера ноги гудели от усталости.

Операция матери Корсакова прошла успешно, сам Корсаков после двух моих отчетов уехал, оставив у палат охрану, а я наконец добралась до третьей смотровой заполнить жур-

нал.

В дверь коротко постучали.

— Разрешите? Мне на посту сказали, зашивают здесь.

На пороге стоял мужчина лет тридцати трех в сером кашемировом свитере. Левый рукав был разрезан до локтя, к предплечью он прижимал промокшую от крови салфетку. Русые волосы, тонкие очки без оправы, внимательные серые глаза. Никакой суеты или жалоб — держался он с редким достоинством.

— Проходите, садитесь к свету, — я натянула перчатки и придвинула столик с инструментами. — Где это вас угораздило?

— В сквере через дорогу, — мужчина опустился на стул и положил руку на валик. Голос у него оказался мягким и приятным. — Шел к машине из книжного, попросили закурить. Часы отдал без споров, но грабителям, видимо, хотелось драмы... полоснули ножом на прощание.

Я сняла марлю и осмотрела порез. Глубоко, но сосуды и сухожилия целы.

— Аллергия на лидокаин есть?

— Нет. Переношу отлично, — он чуть улыбнулся уголком губ, наблюдая за моими руками. — Тяжелое дежурство выдалось?

— Обычное. Терпите, сейчас уколю.

Он даже бровью не повел во время укола. Сидел с прямой спиной и молча следил за мельканием иглы с синей нитью в

моих пальцах. После утреннего дурдома с отцом, самовлюбленного Максима и танка по фамилии Корсаков этот вежливый пациент казался подарком судьбы.

Затягивая последний узел, я потянулась через стол за ножницами. Я быстро заклеила повязку пластырем и стянула перчатки.

— Готово. Восемь швов, — я села выписывать справку. — Фамилия, имя?

— Вяземский Даниил Игоревич.

— Перевязка через день, швы снимут через десять суток в поликлинике, — я поставила личную печать и протянула ему бланк. — Выпейте на ночь обезболивающее, когда заморозка отойдет. Всего доброго, Даниил Игоревич.

— Спасибо, Валерия Сергеевна, — он взял справку здоровой рукой и поднялся со стула.

Дверь за ним тихо закрылась.

За Вяземским закрылась дверь, и я потянулась к стопке историй болезни. Пять минут тишины позволят мне спокойно закрыть журнал по амбулаторным пациентам и выдохнуть.

Ага, наивная.

Дверь смотровой распахнулась от удара ногой. На пороге возникла Катька с горящими глазами и металлическим лотком в руках.

— Бросай бумажки, Воронова! — выпалила подруга. — У нас в четвертом боксе цирк с конями, во втором семейная

драма, а Соколов пытается смыться в ординаторскую!

— Кого привезли? — я отложила ручку и поднялась со стула.

— В четвертый доставили невесту после девичника. Девица объелась устриц в ресторане, словила аллергию, и у нее распухли пальцы. Кольцо с бриллиантом врезалось в кожу до кости, палец синий, нужно срочно пилить платину.

— В чем проблема распилить?

— Жених грудью лег на амбразуру! — хмыкнула Катька, шагая со мной по коридору. — Орет на Максима, трясет чеком из парижского бутика и требует снять украшение за три миллиона без единой царапины.

— Максим у нас будущий заместитель главы департамента, вот пусть сам с парижскими ювелирками и разбирается, — отрезала я, сворачивая ко второму боксу, откуда доносился мужской бас.

Крупный детина в кожаной куртке нависал над кушеткой. Перед ним сидела женщина лет тридцати в шелковой блузке. Правое плечо пациентки неестественно выпирало под тканью, а на скуле наливался багровый отек.

— Я тебе русским языком говорю: уколи обезболивающее и пиши справку! — гремел муж, тыча пальцем в грудь нашему ординатору Денису. — Подумаешь, споткнулась в темноте в прихожей, на обувницу упала! Дома лед приложит!

— Мужчина, тут вывих сустава, нужен снимок и вправление... — лепетал побледневший Денис, пятясь к столику.

— Какой еще снимок?! У нас такси у входа ждет! Марина, вставай, поехали домой!

Женщина на кушетке вжала голову в плечи, придерживая здоровой рукой повисшую кисть, и торопливо закивала:

— Правда, доктор, я сама оступилась на коврике... Голова закружилась...

Оступилась на коврике. До боли знакомая сказка. Интересно, в травматологии хоть раз в истории человечества видели настоящую обувницу, которая сама кидается на женщин и оставляет следы от кулака на скуле?

Я вошла в бокс и плотно прикрыла за собой дверь.

— Денис, свободен, иди в четвертый бокс к Кате, — скомандовала я, натягивая перчатки. — А вы, гражданин, выйдите в коридор. Сейчас будет рентген переносным аппаратом, без защитного фартука получите дозу облучения.

Мужчина повернулся ко мне, смерил взглядом и нахмурился:

— Я от жены никуда уходить не собираюсь!

— Уйдете, — я положила палец на кнопку вызова охраны у двери. — Либо пешком на диванчик в холле, либо в компании наряда Росгвардии. При травме лица я по инструкции обязана передать телефонограмму в полицию. Вызываем наряд?

Он осекся, побагровел, перевел взгляд с моего лица на кнопку под моим пальцем и сквозь зубы бросил жене:

— Пять минут тебе. Я у входа.

Дверь хлопнула.

Женщина на кушетке вздрогнула и уставилась в пол.

Я подошла вплотную, перехватила ее руку за запястье и локоть.

— Сделайте глубокий вдох, Марина. И на выдохе расслабьте спину.

Плавное движение с разворотом наружу, и головка кости с щелчком встала на место. Пациентка ойкнула и облегченно выдохнула, прикрывая мокрые ресницы.

Пока я фиксировала ее руку повязкой, она виновато прошептала:

— Он у меня вообще-то отходчивый. Просто на фирме проверки налоговой, нервничает сильно... А так-то он человек хороший, позавчера вот цветы принес.

Я завязала узел у нее на шее, достала из кармана халата визитку кризисного центра и сунула в карман ее блузки.

— Цветы на могильной плите смотрятся плохо, Марина. В следующий раз угол обувницы придется в висок. Позвоните по этому номеру, когда надоест считать углы в прихожей.

Она прижала ладонь к карману и растерянно кивнула.

Выйдя в коридор, я криво усмехнулась собственным словам. Великий психолог, надо же. С каким умным видом я раздаю советы чужим женам, хотя сама сегодня утром растаяла от запаха жареной картошки и пила чай на кухне у человека, обчистившего мою шкатулку. Чем я отличаюсь от этой Марины? Ровно ничем. Та же слепая надежда на чудо и вера

в чужую совесть.

В ординаторской горел полумрак и вкусно пахло чесночным соусом.

Я толкнула дверь и увидела Максима. Он сидел на кожаном диване без медицинского халата, раскладывая на стеклянном столике две коробочки с пастой и бумажные салфетки.

— Явилась наконец, — он поднял голову и тепло улыбнулся. — Садись скорее, пока карбонара в лед не превратилась. Я курьера десять минут назад встретил.

— С чего вдруг такая щедрость, Соколов? — с подозрением поинтересовалась я, опускаясь в кресло и принимая из его рук пластиковую вилку. — Решил отпраздновать свое грядущее повышение?

— Брось, Лер, — Максим поморщился и поставил передо мной стакан апельсинового сока. — Ты же знаешь Игнатьева. У шефа рефлекс: видит спонсора и сразу начинает петь соловьем про наши успехи. Мне самому в том боксе сквозь землю провалиться хотелось.

Я замерла с вилкой в руке, внимательно глядя в его карие глаза.

— Я в операционном протоколе и в электронной карте записал тебя первым номером, — спокойно продолжил он. — Диагноз по аорте поставила ты, пункцию провела ты. Так что квартальная премия за сложный случай пойдет в твою расчетку, я в бухгалтерии прослежу.

Вот теперь мне стало неловко за утреннюю злость. Сижу тут, приписываю человеку все смертные грехи, а он молча исправил несправедливость заведующего и притащил мне еды.

— Спасибо, Макс, — тихо сказала я. — Извини, если утром резковато ответила. Дома проблемы навалились, голова кругом идет.

— Я так и понял, — он подался вперед, опершись локтями о колени, и посмотрел на меня с мягким участием. — Ты последнюю неделю сама не своя ходишь. Слушай, давай завтра вечером, когда отоспишься после суток, сходим куда-нибудь посидим? Без больничных халатов, отчетов и сирен. Выпьем вина, выговоришься мне. Обещаю работать молчаливой жилеткой.

Его пальцы легко коснулись моего запястья, лежащего на краю стола. От этого прикосновения по коже пробежало приятное тепло. Я так привыкла тащить все проблемы на собственных плечах, что простое мужское внимание показалось чем-то нереальным.

Может, Катька права, и я зря строю из себя ледяную крепость? Максим умный, надежный, работает рядом, понимает меня с полуслова.

— Давай, — я впервые за сутки искренне улыбнулась ему. — Только чур без устриц.

— Договорились, — рассмеялся он. — Кстати, кольцо мы все-таки распилили, палец спасли, а жених грозился подать

на меня жалобу в Лигу защиты прав потребителей.

В половине третьего ночи рабочий пейджер на кармане завибрировал сообщением с пятого этажа: *«Кардиореанимация, бокс 501. Пациентка пришла в себя»*.

У дверей VIP-блока дежурили двое охранников Корсакова. При моем появлении оба синхронно поднялись со стульев.

В палате горел приглушенный ночник. Елена Станиславовна лежала на высокой подушке, бледная, с прозрачными канюлями у носа. Но взгляд ее темных глаз, доставшихся по наследству и сыну, оставался цепким и ясным.

— Здравствуйте, доктор Воронова, — тихо произнесла она, когда я подошла к кровати и взяла с консоли планшет с графиками. — Наконец-то вижу свою спасительницу без маски и беготни вокруг.

— Доброй ночи, Елена Станиславовна. Вам после операции на аорте положен полный покой, — я проверила скорость подачи препарата на дозаторе и поправила датчик на ее пальце. — Боли за грудиной беспокоят?

— Терпимо. Бывало и хуже, — она слабо улыбнулась уголками губ. — Ваш заведующий вечером заходил. Пятнадцать минут расхваливал золотые руки доктора Соколова.

Я промолчала, делая пометку в листе наблюдений.

— Зря молчите, девочка, — с иронией заметила пациентка. — Наркоз мне дали позже. Я в приемном покое прекрас-

но слышала, чей голос запретил вводить разжижающее. И кто выставил Сашу за дверь. За последнее отдельная благодарность. Моему сыну тридцать девять лет, и за последние десять никто не решался указать ему на выход.

— Он мешал работать, — коротко ответила я. — Сейчас добавлю снотворное в капельницу. Постарайтесь поспать, утром сделаем контрольное УЗИ.

— Ох, характер у вас, Лерочка... — выдохнула женщина и перевела взгляд мне за спину. — Кажется, вы с Сашей еще повоюете.

Я обернулась.

В дверях шлюза стоял Корсаков.

Пальто и пиджак исчезли. Белая рубашка с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами, ослабленный галстук, резкие тени под скулами.

Он подошел к кровати, на секунду накрыл ладонью пальцы матери на одеяле, окинул взглядом мониторы и кивнул мне в сторону коридора:

— Выйдем на минуту, доктор.

Мы шагнули в пустой холл отделения, залитый холодным светом ночных бра. Охранники деликатно отошли к лифтам.

— Динамика положительная, Александр Викторович, — начала я дежурным тоном. — Дренажи чистые, давление держим в норме, к утру...

— К восьми утра сюда прилетит борт из Мюнхена с кардиохирургом, который заберет ведение моей матери, — пе-

ребил Корсаков, останавливаясь напротив и убирая руки в карманы брюк. — Но поскольку Елена Станиславовна по непонятной мне причине уперлась и желает видеть возле себя вас, до приезда немецкого коллеги вы остаетесь здесь.

Я моргнула, решив, будто ослышалась с недосыпа.

— В каком смысле остаюсь здесь?

— В прямом, Воронова, — он смотрел на меня сверху вниз с ледяным высокомерием человека, привыкшего раздавать указания подчиненным. — Берете стул, садитесь в палате и не сводите глаз с мониторов до восьми утра.

От его тона кожа на моих предплечьях покрылась мурашками, а внутри закипело бешенство.

Уйти с поста старшего врача экстренного отделения и просидеть шесть часов сиделкой в платной палате? Прекрасный план. Если внизу без меня случится тяжелое поступление или умрет пациент по скорой, Игнатьев завтра же уволит меня по статье за самовольное оставление рабочего места. И никакой Корсаков меня потом не прикроет: его мать утром заберет мюнхенский профессор, а меня вышвырнут на улицу с волчьим билетом и кредитами на шее.

— В палате круглосуточно находится постовая медсестра реанимации, а в соседнем кабинете дежурит врач интенсивной терапии, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — Мое рабочее место на первом этаже в приемном покое, где каждые полчаса привозят людей с улицы. Я поднимусь к Елене Станиславовне в шесть утра на плановый осмотр.

Корсаков сделал полшага вперед, сокращая дистанцию. В его темных глазах полыхнула откровенная ярость.

— Я перевел вашей клинике миллион рублей за сутки пребывания, доктор Воронова. За эти деньги вы будете сидеть там, где я скажу. А если вы сейчас спуститесь вниз и у моей матери подскочит давление хотя бы на десять единиц, я лично позабочусь о том, чтобы вас вышвырнули отсюда.

Каков мерзавец. Нашел на ком показывать власть.

— Свои миллионы обсуждайте с директором клиники, Александр Викторович, — мой голос звенел от напряжения. — В должностной инструкции врача экстренной помощи услуги личной гувернантки не прописаны. Угрожать мне бесполезно, пуганая. Доброй ночи.

Я развернулась на каблуках и зашагала к лестнице, спиной ощущая его взгляд. Ничего, переживу. До восьми утра осталось пять часов, а после прилета его ненаглядного немца ноги моей в этом VIP-крыле не будет.

В восемь утра я сдала смену под демонстративное молчание Игнатьева. Корсаков явно успел позвонить заведующему и высказать все, что думает о моей неуступчивости. Зато Максим у лифта заговорщицки подмигнул мне и шепнул, что заедет за мной в семь вечера.

Эта мысль согревала всю дорогу до дома. Сейчас приеду, заберу у отца залоговый билет из ломбарда, посплю до обеда, а на следующей неделе с премии, которую пообещал провести Максим, выкуплю мамины серьги. Жизнь постепенно

налаживалась.

В половине девятого я поднималась по ступенькам своего подъезда на четвертый этаж.

Остановилась перед квартирой, достала из сумки ключи.

Потянулась к замку и застыла.

Входная дверь была немного приоткрыта. Язычок верхнего замка торчал наружу, а металл вокруг косяка был искорежен свежими бороздами от лома.

Дыхание перехватило.

Я толкнула створку и бесшумно шагнула в прихожую. Зеркало над обувницей треснуло наискосок, засыпав линолеум осколками. Мои полусапожки валялись в углу вперемешку с вывернутыми ящиками комода.

Из кухни тянуло дешевым табачным дымом. Отец бросил курить пять лет назад.

Я стиснула в кармане пальто связку ключей и сделала два шага к кухонному проему.

За нашим столом сидели двое незнакомых мордоворотов. Один лениво разливал по кружкам заварку из нашего чайника, второй листал мой загранпаспорт и синюю папку с документами на квартиру, вытащенную из моего шкафа.

Отец сидел на полу у батареи, зажимая разбитую губу полотенцем. При виде меня его глаза округлились от ужаса.

Мужчина с моими документами поднял голову, лениво осмотрел меня с ног до головы и ухмыльнулся:

— А вот и Валерия Сергеевна со смены вернулась. Про-

ходите, доктор, не стесняйтесь. Папаша ваш сегодня ночью в клубе своей половиной квартиры расплатился. Присаживайтесь на табуреточку. Обсудим, как мы с вами теперь под одной крышей жить будем.

Глава 2

За свою практику в приемном отделении я насмотрелась на буйных пациентов под стимуляторами, вооруженных грабителей в наручниках и пьяных дебоширов с розочками от бутылок. Главное правило выживания в одной комнате с хищником всегда звучало одинаково: покажешь страх и сожрут на месте.

Я переступила порог кухни, сняла с плеча сумку и положила ее на пол.

Мужчина в кожаной куртке продолжал лениво перелистывать мой загранпаспорт. Второй гость, коренастый бритоголовый крепыш со шрамом над бровью, отхлебнул свежий чай из маминой фарфоровой чашки. Отец вжался спиной в чугунную батарею, прижимая ко рту окровавленное полотенце.

Я подошла вплотную к столу, протянула руку и выдернула свои документы прямо из пальцев мужчины в кожанке. Следом забрала синюю папку с бумагами на квартиру.

Гость удивленно приподнял бровь и перехватил меня за запястье. Хватка у него оказалась железной.

— Куда спешим, доктор? — с ленивой усмешкой поинтересовался он. — Мы с папашей вашим еще формальности не утрясли.

Я посмотрела на его пальцы на своем рукаве, затем пере-

вела взгляд ему в глаза.

— Руку уберите, — ровным тоном произнесла я. — На подъезде висит городская камера с распознаванием лиц. Взлом входной двери с проникновением в жилище тянет на сто тридцать девятую статью, вымогательство имущества группой лиц пойдет по сто шестьдесят третьей, а побои я сейчас зафиксирую официально как врач скорой помощи. Хотите проверить скорость приезда патруля?

Бритоголовый у плиты поперхнулся чаем и поставил кружку на клеенку. Старший в кожанке секунду буравил меня взглядом, после чего разжал пальцы и откинулся на спинку табурета.

— Грамотная, значит, — он достал из внутреннего кармана куртки сложенный вдвое тетрадный лист и бросил на стол рядом с солонкой. — Люблю разговорчивых женщин. На вот, полюбуйся на художества своего родителя.

Я развернула бумагу.

Расписка, написанная прыгающим отцовским почерком с паспортными данными и подписью. Виктор Сергеевич Воронов подтверждал получение восьмисот тысяч рублей наличными и в случае невозврата долга до сегодняшнего утра обязывался передать кредиторам свою половину двухкомнатной квартиры.

В висках застучало. Восемьсот тысяч. За одну ночь.

— Этой бумажкой можете подтереться, — я бросила расписку обратно на клеенку. — По закону продать долю в квар-

тире без нотариального уведомления второго собственника и месячного срока на преимущественный выкуп невозможно. Любой суд признает сделку ничтожной за пять минут.

— А кто тебе сказал про продажу, Валерия Сергеевна? — мужчина в кожанке широко улыбнулся, обнажая золотую коронку сбоку. — Продавать мы ничего не будем. Папаша твой завтра утром у нашего нотариуса подпишет дарственную. Подарит от широты душевной по пять квадратных метров четырем моим племянникам из солнечного Таджикистана. На дарение твое согласие по закону не требуется.

У батареи тонко застонал отец.

А я стояла у стола, сжимая синюю папку у груди, и понимала всю безвыходность капкана. Схема профессиональных квартирных рейдеров работала безотказно. В квартиру на законных основаниях заселяют табор маргиналов, которые круглосуточно курят в коридоре, выбивают двери в ванную и устраивают ад до тех пор, пока второй собственник сам не согласится отдать свою долю за копейки.

— Сколько времени? — спросила я.

— Другой разговор, — гость поднялся из-за стола, застегивая кожаную куртку, и кивнул напарнику.— Проценты торможу до вечера пятницы. Принесешь двести тысяч первым взносом, и папаша твой останется при своих метрах, а остаток раскидаем на три месяца. Задумаешь бежать в полицию, и в субботу утром будешь делить кухню с новыми жильцами. Бывай, доктор.

Тяжелые ботинки прогрохотали по битому стеклу в коридоре. Хлопнула изуродованная входная дверь.

В кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь капающей водой из того крана, который отец утром хвастался, что починил.

— Лерусь... — отец отнял полотенце от распухшей губы и пополз вдоль стены к табуретке. — Доченька, ты же им не отдашь квартиру, правда? Они там в клубе колоду крапленую подсунули, я на паре тузов шел, хотел твои кредиты разом закрыть! Мне бы только до пятницы перехватить где-нибудь... У тебя же в больнице богатые лечатся, попроси у заведующего аванс за полгода!

Я молча смотрела на него.

На клетчатую рубашку с пятном крови у воротника. На пластиковый контейнер с тремя остывшими котлетами на краю стола. И на мятую розовую квитанцию из круглосуточного ломбарда, торчащую из-под солонки.

Он сдал мамины серьги в пять утра, проиграл наличку, привел на хвосте бандитов из подпольного катрана, а в перерыве между ставками и мордобоем пожарил мне картошку. Чтобы дочка вовремя ушла на смену и не мешала разбираться с гостями.

Я протянула руку, забрала со стола розовый бланк ломбарда и спрятала его в карман пальто.

— Лера, ты слышишь меня?! — голос отца сорвался на визгливую ноту. — У меня голова раскалывается, сотрясе-

ние наверняка! Дай хоть тысячу на обезболивающее, у меня в кармане пусто!

Я развернулась и вышла из кухни в свою спальню.

Достала из нижней секции шкафа дорожную сумку. Сбросила туда с плечиков три комплекта формы, джинсы, свитера, белье, зарядку от ноутбука и косметичку. Сверху положила синюю папку с документами на квартиру.

Когда я вышла в прихожую с сумкой на плече, отец стоял в проеме кухни, держась рукой за косяк.

— Ты куда собралась?! — его глаза забегали. — А как же пятница?! Они же меня убьют тут одного!Ты врач, ты клятву давала людям помогать, а родного отца под нож бросаешь?!

— Таблетки от головы в верхнем ящике комода, — я перешагнула через осколки треснувшего зеркала и взялась за ручку входной двери. — Замок чини сам. А с гостями своими в пятницу будешь объясняться без суфлера.

Я вышла на лестничную площадку и сбежала вниз по ступенькам, оставляя за спиной его проклятия и грохот брошенной вдогонку табуретки.

У Катьки в пустой квартире я провалилась в сон прямо поверх покрывала и проспала до пяти вечера.

Голова после пробуждения гудела, но горячий душ и две чашки крепкого кофе вернули способность соображать. Я высушила волосы феном, надела позаимствованное у подруги темно-зеленое трикотажное платье с длинными рукавами и выложила на кухонный стол розовый бланк из ломбарда.

Сумма оценки составляла тридцать тысяч рублей. Льготный срок хранения истекал через десять дней, после чего антикварное золото с уральскими гранатами уходило на закрытые торги без права возврата.

Десять дней на серьги. Двое суток до пятницы на первый взнос бандитам.

Единственным светлым пятном в этом финансовом апокалипсисе оставалась квартальная премия за вчерашний случай с матерью Корсакова. В «Гелиосе» за успешную реанимацию пациентов такой категории платили щедро, плюс в пятницу падал плановый аванс. Серьги я выкуплю сразу, а с вымогателями решу вопрос через юриста или участкового.

До встречи с Максимом в ресторане оставался час. Ломбард находился в соседнем квартале от Катькиного дома, и я решила зайти туда по пути, чтобы лично проверить сохранность серег и узнать точную сумму процентов.

Октябрьский вечер. Колючий дождь со снегом и шквалистым ветром.

Оценщик за бронированным стеклом ломбарда подтвердил мои опасения: к тридцати тысячам набегало по два процента за каждый день просрочки, но серьги лежали в сейфе в целости.

Выйдя обратно на мокрое крыльцо, я раскрыла зонт.

Порыв ледяного ветра со стороны проспекта ударил под купол, выворачивая спицы наизнанку с громким хлопком, и меня тут же окатило косым ливнем.

— Да чтоб тебя! — вслух выругалась я, безуспешно дергая заклинившую пружину одной рукой и прижимая к боку сумку другой.

Теплая мужская ладонь легла поверх моих промокших пальцев, перехватывая рукоятку.

Одно точное движение, щелчок фиксатора, и купол зонта вернулся в нормальное положение, отсекая потоки воды.

Я подняла голову, откидывая со лба мокрую прядь.

Передо мной на тротуаре стоял вчерашний пациент из третьей смотровой. Даниил Вяземский.

На нем было расстегнутое темное пальто, под которым виднелась аккуратная черная косынка ортопедического бандажа, поддерживающая левое предплечье. В здоровой руке он держал бумажный пакет из книжной лавки. Серые глаза за стеклами очков смотрели чуть смущенно.

— Добрый вечер, Валерия Сергеевна, — произнес он, удерживая мой зонт над нами обоими. — Вчера вы спасали мою руку, сегодня моя очередь спасать вашу прическу.

Увидеть среди промозглой серой улицы знакомое лицо оказалось неожиданно приятно.

— Добрый вечер, Даниил Игоревич, — я невольно улыбнулась в ответ, забирая у него ручку зонта.— Нарушаете предписания врача? Я же велела вам сидеть дома в тепле, а не разгуливать под ливнем.

— Каюсь, грешен, — он шутливо склонил голову. — У меня офис юридической консультации через два дома отсю-

да, нужно было забрать из сейфа бумаги для суда. Как раз шел к машине и увидел знакомый профиль у крыльца. Как вы? Выглядите расстроенной.

Взгляд его скользнул по яркой вывеске «Ломбард 24» за моей спиной, но такта у Вяземского хватило промолчать и не задавать лишних вопросов.

— Обычные житейские мелочи, — я профессиональным жестом коснулась кончиками пальцев его левой кисти, выглядывающей из бандажа. Кожа теплая, отека нет, пульсация четкая. — Шов не кровит? Температура не поднималась?

— С вашей легкой руки даже обезболивающее пить не пришлось, — ответил он. — Позволите угостить вас горячим чаем в кофейне на углу? На вас лица нет, да и руки ледяные.

— Спасибо, Даниил Игоревич, но я опаздываю на встречу, — я взглянула на часы. Без десяти семь.— Не забывайте менять повязку. Хорошего вечера!

— Берегите себя, Валерия, — тепло попрощался он, отступая под козырек соседнего здания.

Итальянский ресторан «Белладжио» располагался в пяти минутах ходьбы от нашей клиники. Внутри играл тихий джаз, пахло розмарином, дровяной печью и дорогим вином.

Максим ждал меня за угловым столиком у панорамного окна.

Без привычного врачебного халата, в темно-синем кашемировом джемпере, подчеркивающем широкие плечи, он выглядел как сошедшая с экрана кинозвезда. Заметив меня

у гардероба, Соколов тут же поднялся навстречу, помог отодвинуть мягкое кресло и подозвал официанта.

— Ты вовремя, — его карие глаза с откровенным восхищением прошлись по моему зеленому платью и распущенным волосам. — Слушай, Воронова, тебе надо законодательно запретить носить больничную бесформенную робу. Половина мужского населения за соседними столиками сейчас свернула шеи.

— Льстец, — усмехнулась я, согревая ладони о теплую тарелку с ароматной фокаччей, которую поставил перед нами официант. — На медсестрах из второго блока тренировался комплименты раздавать?

— Сравнила, — Максим разлил по бокалам рубиновое кьянти и накрыл мою руку на скатерти своей широкой теплой ладонью. — С медсестрами скучно, они мне в рот заглядывают. А с тобой как на минном поле: никогда не угадаешь, поцелуешь ты или огреешь дефибриллятором.

Я рассмеялась, делая глоток терпкого вина.

Напряжение этого бесконечного дня понемногу отпускало. Максим умел создавать вокруг себя удивительный праздник: шутил, рассказывал уморительные случаи из ординатуры, подкладывал мне в тарелку лучшие кусочки томленой телятины и смотрел так внимательно и нежно, будто в целом ресторане существовали только мы двое.

Большой палец его руки ласково поглаживал мое запястье. Я ловила себя на мысли, что совершенно не хочу уби-

рать руку.

— Макс, — когда официант унес пустые тарелки и подал кофе, я наконец решилась перейти к главному вопросу. — Слушай, а ты не узнавал в бухгалтерии насчет той квартальной премии за вчерашнюю реанимацию?

Пальцы Максима на моем запястье замерли.

Улыбка медленно сползла с его красивого лица. Он отвел глаза к окну, за которым расплывались огни проезжающих машин, и потянулся за бокалом с вином.

— Узнавал, Лер, — негромко произнес он, делая большой глоток. — Мне нужно кое-что тебе рассказать. Я специально ждал конца ужина, чтобы не портить тебе аппетит.

Холодное предчувствие сжало горло.

— Говори как есть.

— Не будет премии, — Максим поставил бокал на скатерть и посмотрел на меня с виноватым видом. — Игнатьев сегодня в обед переписал твой вчерашний протокол и вычеркнул тебя из списков на выплату.

Я застыла, глядя на него во все глаза.

— То есть как вычеркнул?! На каком основании?!

— Там целая буря в администрации поднялась, — Максим понизил голос и подался ко мне через стол. — Утром прилетел тот кардиохирург из Мюнхена, которого выписал Корсаков. Изучил снимки, осмотрел Елену Станиславовну и при всем совете директоров заявил, что пункция проведена блестяще, а его участие тут вообще не требуется. Но самое

интересное началось потом. Когда немец уехал, мать Корсакова отказалась от наблюдения у наших штатных кардиологов и устроила сыну скандал. Потребовала вернуть к ней тебя.

— И при чем тут моя премия, Макс?!

— А при том, что Корсаков пришел к Игнатьеву в бешенстве! — выпалил Соколов. — Ты же его вчера ночью при охране отшила, верно? Ну вот он и закусил удила! Поставил заведующему ультиматум: раз его мать желает видеть возле себя исключительно доктора Воронову, то Воронова переводится из экстренного отделения в VIP-блок на индивидуальный пост без права совместительства и премиальных надбавок. Как штрафник на исправительных работах!

У меня перехватило дыхание от ярости. В пальцах закололо.

Без суточных дежурств в экстренном блоке и без реанимационных надбавок моя зарплата превращалась в голый оклад младшего терапевта. Этого не хватит даже на списание по банковскому кредиту, не говоря уже про серьги в ломбарде и двести тысяч бандитам к пятнице!

— Игнатьев не имеет права перевести меня без моей подписи в приказе! — я схватила со стула сумку, собираясь подняться. — Я завтра же пойду в трудовую инспекцию!

— Лер, сядь, не горячись! — Максим испуганно схватил меня за обе руки, удерживая за столом. — Бесполезно! Ты вообще понимаешь, кто такой Корсаков? Его холдинг дер-

жит контрольный пакет акций «Гелиоса»! Игнатьев мне прямо сказал: если Воронова утром не выйдет в пятьсот первый бокс, он уволит тебя по статье за вчерашний допуск посторонних в реанимацию и нарушение протокола! Тебя же с такой записью ни в одну больницу города санитаркой не возьмут!

Я смотрела на Максима, и внутри росло гадкое, тошнотворное чувство.

— А премия за вчерашнюю пункцию? — тихо спросила я. — Раз меня из протокола вычеркнули, кому ушла выплата? Тебе?

Максим густо покраснел и отвел взгляд в сторону барной стойки.

— Лер, ну я же не мог пойти против заведующего! Игнатьев сам так решил, меня просто перед фактом поставили! Слушай, если тебе деньги нужны, я могу тебе одолжить тысяч десять до зарплаты...

Десять тысяч. С моей же собственной премии в сто пятьдесят, которую он молча положил себе в карман, а вечером привел меня в ресторан поить дешевым вином и гладить по ручке.

Я выдернула пальцы из его ладоней, словно прикоснулась к жабе.

— Оставь себе на круассаны, Максим Андреевич, — я поднялась из-за стола. — Приятного аппетита.

— Не подпишете приказ о переводе, доктор Воронова,

пойдете по статье с волчьим билетом, — раздался прямо за моей спиной низкий, пробирающий до костей баритон. — Ваш коллега абсолютно прав.

Я резко обернулась. Максим за столиком поперхнулся воздухом и вскочил по стойке смирно, застегивая воротник джемпера.

В шаге от меня стоял Александр Корсаков.

Темный строгий костюм с иголочки, белоснежная сорочка, ледяной взгляд черных глаз. За его широким плечом у входа в зал маячили двое знакомых охранников.

Он окинул взглядом наш столик с двумя бокалами вина, задержался на бледном лице Соколова, после чего посмотрел прямо на меня сверху вниз.

— Вы, кажется, собирались уходить, Валерия Сергеевна? — уголок его губ дрогнул в жесткой усмешке. — Замечательно. У моей матери поднялась температура, она ждет лечащего врача. Машина у крыльца. У вас ровно две минуты.

За свою практику в приемном отделении я насмотрелась на буйных пациентов под стимуляторами, вооруженных грабителей в наручниках и пьяных дебоширов с розочками от бутылок. Главное правило выживания в одной комнате с хищником всегда звучало одинаково: покажешь страх и сожрут на месте.

Я переступила порог кухни, сняла с плеча сумку и положила ее на пол.

Мужчина в кожаной куртке продолжал лениво перелисты-

вать мой загранпаспорт. Второй гость, коренастый бритоголовый крепыш со шрамом над бровью, отхлебнул свежий чай из маминой фарфоровой чашки. Отец вжался спиной в чугунную батарею, прижимая ко рту окровавленное полотенце.

Я подошла вплотную к столу, протянула руку и выдернула свои документы прямо из пальцев мужчины в кожанке. Следом забрала синюю папку с бумагами на квартиру.

Гость удивленно приподнял бровь и перехватил меня за запястье. Хватка у него оказалась железной.

— Куда спешим, доктор? — с ленивой усмешкой поинтересовался он. — Мы с папашей вашим еще формальности не утрясли.

Я посмотрела на его пальцы на своем рукаве, затем перевела взгляд ему в глаза.

— Руку уберите, — ровным тоном произнесла я. — На подъезде висит городская камера с распознаванием лиц. Взлом входной двери с проникновением в жилище тянет на сто тридцать девятую статью, вымогательство имущества группой лиц пойдет по сто шестьдесят третьей, а побои я сейчас зафиксирую официально как врач скорой помощи. Хотите проверить скорость приезда патруля?

Бритоголовый у плиты поперхнулся чаем и поставил кружку на клеенку. Старший в кожанке секунду буравил меня взглядом, после чего разжал пальцы и откинулся на спинку табурета.

— Грамотная, значит, — он достал из внутреннего кармана куртки сложенный вдвое тетрадный лист и бросил на стол рядом с солонкой. — Люблю разговорчивых женщин. На вот, полюбуйся на художества своего родителя.

Я развернула бумагу.

Расписка, написанная прыгающим отцовским почерком с паспортными данными и подписью. Виктор Сергеевич Воронов подтверждал получение восьмисот тысяч рублей наличными и в случае невозврата долга до сегодняшнего утра обязывался передать кредиторам свою половину двухкомнатной квартиры.

В висках застучало. Восемьсот тысяч. За одну ночь.

— Этой бумажкой можете подтереться, — я бросила расписку обратно на клеенку. — По закону продать долю в квартире без нотариального уведомления второго собственника и месячного срока на преимущественный выкуп невозможно. Любой суд признает сделку ничтожной за пять минут.

— А кто тебе сказал про продажу, Валерия Сергеевна? — мужчина в кожанке широко улыбнулся, обнажая золотую коронку сбоку. — Продавать мы ничего не будем. Папаша твой завтра утром у нашего нотариуса подпишет дарственную. Подарит от широты душевной по пять квадратных метров четырем моим племянникам из солнечного Таджикистана. На дарение твое согласие по закону не требуется.

У батареи тонко застонал отец.

А я стояла у стола, сжимая синюю папку у груди, и по-

нимала всю безвыходность капкана. Схема профессиональных квартирных рейдеров работала безотказно. В квартиру на законных основаниях заселяют табор маргиналов, которые круглосуточно курят в коридоре, выбивают двери в ванную и устраивают ад до тех пор, пока второй собственник сам не согласится отдать свою долю за копейки.

— Сколько времени? — спросила я.

— Другой разговор, — гость поднялся из-за стола, застегивая кожаную куртку, и кивнул напарнику.— Проценты торможу до вечера пятницы. Принесешь двести тысяч первым взносом, и папаша твой останется при своих метрах, а остаток раскидаем на три месяца. Задумаешь бежать в полицию, и в субботу утром будешь делить кухню с новыми жильцами. Бывай, доктор.

Тяжелые ботинки прогрохотали по битому стеклу в коридоре. Хлопнула изуродованная входная дверь.

В кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь капающей водой из того крана, который отец утром хвастался, что починил.

— Лерусь... — отец отнял полотенце от распухшей губы и пополз вдоль стены к табуретке. — Доченька, ты же им не отдашь квартиру, правда? Они там в клубе колоду крапленую подсунули, я на паре тузов шел, хотел твои кредиты разом закрыть! Мне бы только до пятницы перехватить где-нибудь... У тебя же в больнице богатые лечатся, попроси у заведующего аванс за полгода!

Я молча смотрела на него.

На клетчатую рубашку с пятном крови у воротника. На пластиковый контейнер с тремя остывшими котлетами на краю стола. И на мятую розовую квитанцию из круглосуточного ломбарда, торчащую из-под солонки.

Он сдал мамины серьги в пять утра, проиграл наличку, привел на хвосте бандитов из подпольного катрана, а в перерыве между ставками и мордобоем пожарил мне картошку. Чтобы дочка вовремя ушла на смену и не мешала разбираться с гостями.

Я протянула руку, забрала со стола розовый бланк ломбарда и спрятала его в карман пальто.

— Лера, ты слышишь меня?! — голос отца сорвался на визгливую ноту. — У меня голова раскалывается, сотрясение наверняка! Дай хоть тысячу на обезболивающее, у меня в кармане пусто!

Я развернулась и вышла из кухни в свою спальню.

Достала из нижней секции шкафа дорожную сумку. Сбросила туда с плечиков три комплекта формы, джинсы, свитера, белье, зарядку от ноутбука и косметичку. Сверху положила синюю папку с документами на квартиру.

Когда я вышла в прихожую с сумкой на плече, отец стоял в проеме кухни, держась рукой за косяк.

— Ты куда собралась?! — его глаза забегали. — А как же пятница?! Они же меня убьют тут одного!Ты врач, ты клятву давала людям помогать, а родного отца под нож бросаешь?!

— Таблетки от головы в верхнем ящике комода, — я перешагнула через осколки треснувшего зеркала и взялась за ручку входной двери. — Замок чини сам. А с гостями своими в пятницу будешь объясняться без суфлера.

Я вышла на лестничную площадку и сбежала вниз по ступенькам, оставляя за спиной его проклятия и грохот брошенной вдогонку табуретки.

У Катьки в пустой квартире я провалилась в сон прямо поверх покрывала и проспала до пяти вечера.

Голова после пробуждения гудела, но горячий душ и две чашки крепкого кофе вернули способность соображать. Я высушила волосы феном, надела позаимствованное у подруги темно-зеленое трикотажное платье с длинными рукавами и выложила на кухонный стол розовый бланк из ломбарда.

Сумма оценки составляла тридцать тысяч рублей. Льготный срок хранения истекал через десять дней, после чего антикварное золото с уральскими гранатами уходило на закрытые торги без права возврата.

Десять дней на серьги. Двое суток до пятницы на первый взнос бандитам.

Единственным светлым пятном в этом финансовом апокалипсисе оставалась квартальная премия за вчерашний случай с матерью Корсакова. В «Гелиосе» за успешную реанимацию пациентов такой категории платили щедро, плюс в пятницу падал плановый аванс. Серьги я выкуплю сразу, а с вымогателями решу вопрос через юриста или участкового.

До встречи с Максимом в ресторане оставался час. Ломбард находился в соседнем квартале от Катькиного дома, и я решила зайти туда по пути, чтобы лично проверить сохранность серег и узнать точную сумму процентов.

Октябрьский вечер. Колючий дождь со снегом и шквалистым ветром.

Оценщик за бронированным стеклом ломбарда подтвердил мои опасения: к тридцати тысячам набегало по два процента за каждый день просрочки, но серьги лежали в сейфе в целости.

Выйдя обратно на мокрое крыльцо, я раскрыла зонт.

Порыв ледяного ветра со стороны проспекта ударил под купол, выворачивая спицы наизнанку с громким хлопком, и меня тут же окатило косым ливнем.

— Да чтоб тебя! — вслух выругалась я, безуспешно дергая заклинившую пружину одной рукой и прижимая к боку сумку другой.

Теплая мужская ладонь легла поверх моих промокших пальцев, перехватывая рукоятку.

Одно точное движение, щелчок фиксатора, и купол зонта вернулся в нормальное положение, отсекая потоки воды.

Я подняла голову, откидывая со лба мокрую прядь.

Передо мной на тротуаре стоял вчерашний пациент из третьей смотровой. Даниил Вяземский.

На нем было расстегнутое темное пальто, под которым виднелась аккуратная черная косынка ортопедического бан-

дажа, поддерживающая левое предплечье. В здоровой руке он держал бумажный пакет из книжной лавки. Серые глаза за стеклами очков смотрели чуть смущенно.

— Добрый вечер, Валерия Сергеевна, — произнес он, удерживая мой зонт над нами обоими. — Вчера вы спасали мою руку, сегодня моя очередь спасать вашу прическу.

Увидеть среди промозглой серой улицы знакомое лицо оказалось неожиданно приятно.

— Добрый вечер, Даниил Игоревич, — я невольно улыбнулась в ответ, забирая у него ручку зонта.— Нарушаете предписания врача? Я же велела вам сидеть дома в тепле, а не разгуливать под ливнем.

— Каюсь, грешен, — он шутливо склонил голову. — У меня офис юридической консультации через два дома отсюда, нужно было забрать из сейфа бумаги для суда. Как раз шел к машине и увидел знакомый профиль у крыльца. Как вы? Выглядите расстроенной.

Взгляд его скользнул по яркой вывеске «Ломбард 24» за моей спиной, но такта у Вяземского хватило промолчать и не задавать лишних вопросов.

— Обычные житейские мелочи, — я профессиональным жестом коснулась кончиками пальцев его левой кисти, выглядывающей из бандажа. Кожа теплая, отека нет, пульсация четкая. — Шов не кровит? Температура не поднималась?

— С вашей легкой руки даже обезболивающее пить не пришлось, — ответил он. — Позволите угостить вас горячим

чаем в кофейне на углу? На вас лица нет, да и руки ледяные.

— Спасибо, Даниил Игоревич, но я опаздываю на встречу, — я взглянула на часы. Без десяти семь.— Не забывайте менять повязку. Хорошего вечера!

— Берегите себя, Валерия, — тепло попрощался он, отступая под козырек соседнего здания.

Итальянский ресторан «Белладжио» располагался в пяти минутах ходьбы от нашей клиники. Внутри играл тихий джаз, пахло розмарином, дровяной печью и дорогим вином.

Максим ждал меня за угловым столиком у панорамного окна.

Без привычного врачебного халата, в темно-синем кашемировом джемпере, подчеркивающем широкие плечи, он выглядел как сошедшая с экрана кинозвезда. Заметив меня у гардероба, Соколов тут же поднялся навстречу, помог отодвинуть мягкое кресло и подозвал официанта.

— Ты вовремя, — его карие глаза с откровенным восхищением прошлись по моему зеленому платью и распущенным волосам. — Слушай, Воронова, тебе надо законодательно запретить носить больничную бесформенную робу. Половина мужского населения за соседними столиками сейчас свернула шеи.

— Льстец, — усмехнулась я, согревая ладони о теплую тарелку с ароматной фокаччей, которую поставил перед нами официант. — На медсестрах из второго блока тренировался комплименты раздавать?

— Сравнила, — Максим разлил по бокалам рубиновое кьянти и накрыл мою руку на скатерти своей широкой теплой ладонью. — С медсестрами скучно, они мне в рот заглядывают. А с тобой как на минном поле: никогда не угадаешь, поцелуешь ты или огреешь дефибриллятором.

Я рассмеялась, делая глоток терпкого вина.

Напряжение этого бесконечного дня понемногу отпускало. Максим умел создавать вокруг себя удивительный праздник: шутил, рассказывал уморительные случаи из ординатуры, подкладывал мне в тарелку лучшие кусочки томленой телятины и смотрел так внимательно и нежно, будто в целом ресторане существовали только мы двое.

Большой палец его руки ласково поглаживал мое запястье. Я ловила себя на мысли, что совершенно не хочу убирать руку.

— Макс, — когда официант унес пустые тарелки и подал кофе, я наконец решилась перейти к главному вопросу. — Слушай, а ты не узнавал в бухгалтерии насчет той квартальной премии за вчерашнюю реанимацию?

Пальцы Максима на моем запястье замерли.

Улыбка медленно сползла с его красивого лица. Он отвел глаза к окну, за которым расплывались огни проезжающих машин, и потянулся за бокалом с вином.

— Узнавал, Лер, — негромко произнес он, делая большой глоток. — Мне нужно кое-что тебе рассказать. Я специально ждал конца ужина, чтобы не портить тебе аппетит.

Холодное предчувствие сжало горло.

— Говори как есть.

— Не будет премии, — Максим поставил бокал на скатерть и посмотрел на меня с виноватым видом. — Игнатьев сегодня в обед переписал твой вчерашний протокол и вычеркнул тебя из списков на выплату.

Я застыла, глядя на него во все глаза.

— То есть как вычеркнул?! На каком основании?!

— Там целая буря в администрации поднялась, — Максим понизил голос и подался ко мне через стол. — Утром прилетел тот кардиохирург из Мюнхена, которого выписал Корсаков. Изучил снимки, осмотрел Елену Станиславовну и при всем совете директоров заявил, что пункция проведена блестяще, а его участие тут вообще не требуется. Но самое интересное началось потом. Когда немец уехал, мать Корсакова отказалась от наблюдения у наших штатных кардиологов и устроила сыну скандал. Потребовала вернуть к ней тебя.

— И при чем тут моя премия, Макс?!

— А при том, что Корсаков пришел к Игнатьеву в бешенстве! — выпалил Соколов. — Ты же его вчера ночью при охране отшила, верно? Ну вот он и закусил удила! Поставил заведующему ультиматум: раз его мать желает видеть возле себя исключительно доктора Воронову, то Воронова переводится из экстренного отделения в VIP-блок на индивидуальный пост без права совместительства и премиальных надба-

вок. Как штрафник на исправительных работах!

У меня перехватило дыхание от ярости. В пальцах закололо.

Без суточных дежурств в экстренном блоке и без реанимационных надбавок моя зарплата превращалась в голый оклад младшего терапевта. Этого не хватит даже на списание по банковскому кредиту, не говоря уже про серьги в ломбарде и двести тысяч бандитам к пятнице!

— Игнатьев не имеет права перевести меня без моей подписи в приказе! — я схватила со стула сумку, собираясь подняться. — Я завтра же пойду в трудовую инспекцию!

— Лер, сядь, не горячись! — Максим испуганно схватил меня за обе руки, удерживая за столом. — Бесполезно! Ты вообще понимаешь, кто такой Корсаков? Его холдинг держит контрольный пакет акций «Гелиоса»! Игнатьев мне прямо сказал: если Воронова утром не выйдет в пятьсот первый бокс, он уволит тебя по статье за вчерашний допуск посторонних в реанимацию и нарушение протокола! Тебя же с такой записью ни в одну больницу города санитаркой не возьмут!

Я смотрела на Максима, и внутри росло гадкое, тошнотворное чувство.

— А премия за вчерашнюю пункцию? — тихо спросила я. — Раз меня из протокола вычеркнули, кому ушла выплата? Тебе?

Максим густо покраснел и отвел взгляд в сторону барной

стойки.

— Лер, ну я же не мог пойти против заведующего! Игнатьев сам так решил, меня просто перед фактом поставили! Слушай, если тебе деньги нужны, я могу тебе одолжить тысяч десять до зарплаты...

Десять тысяч. С моей же собственной премии в сто пятьдесят, которую он молча положил себе в карман, а вечером привел меня в ресторан поить дешевым вином и гладить по ручке.

Я выдернула пальцы из его ладоней, словно прикоснулась к жабе.

— Оставь себе на круассаны, Максим Андреевич, — я поднялась из-за стола. — Приятного аппетита.

— Не подпишете приказ о переводе, доктор Воронова, пойдете по статье с волчьим билетом, — раздался прямо за моей спиной низкий, пробирающий до костей баритон. — Ваш коллега абсолютно прав.

Я резко обернулась. Максим за столиком поперхнулся воздухом и вскочил по стойке смирно, застегивая воротник джемпера.

В шаге от меня стоял Александр Корсаков.

Темный строгий костюм с иголочки, белоснежная сорочка, ледяной взгляд черных глаз. За его широким плечом у входа в зал маячили двое знакомых охранников.

Он окинул взглядом наш столик с двумя бокалами вина, задержался на бледном лице Соколова, после чего посмотрел

прямо на меня сверху вниз.

— Вы, кажется, собирались уходить, Валерия Сергеевна? — уголок его губ дрогнул в жесткой усмешке. — Замечательно. У моей матери поднялась температура, она ждет лечащего врача. Машина у крыльца. У вас ровно две минуты.

Глава 3

В мраморном холле клиники стояла тишина. Сотрудники регистратуры застыли с папками в руках, пациенты у кожаных диванов синхронно повернули головы к турникетам.

Отец продолжал стоять на коленях посреди гранитного пола, вцепившись пальцами в полы моего пальто.

— Леруся, до двенадцати дня время дали! — голосил он на весь первый этаж, размазывая кровь по подбородку. — Триста тысяч требуют, иначе выкинут вещи с балкона и ноги мне переломают! Помоги отцу, Христом богом молю!

У лифтов заведующий Игнатьев схватился рукой за воротник халата, стремительно покрываясь красными пятнами. Стоящий за его плечом Максим изучал носки собственных туфель.

А первым заговорил Корсаков.

Он вынул руки из карманов брюк, шагнул вперед и повернул голову к нашему заведующему.

— Павел Борисович, — его баритон разнесся под сводами холла с пугающей четкостью. — Объясните мне одну вещь. Почему по закрытой частной клинике свободно разгуливают пьяные маргиналы с улицы?

— Александр Викторович, сию секунду примем меры! — засуетился Игнатьев и замахал руками на охрану. — Выведите его немедленно за территорию! Вызовите полицию!

Корсаков перевел тяжелый взгляд на меня. Осмотрел перепачканный кровью подол моего пальто и приподнял бровь:

— И проверьте заодно вменяемость вашего персонала. Мне сомнительно, насколько врач с подобным семейным балаганом способна контролировать реанимационную палату моей матери.

Пальцы у меня в карманах сжались в кулаки. Каждая клеточка тела требовала подойти и врезать этому холеному сноб у по скуле. Стоит в своем идеальном костюме за полмиллиона и брезгливо морщит нос при виде чужой беды.

Вместо ответа я перехватила отца под локоть, рывком вздернула его с колен на ноги и повернулась к подбежавшим охранникам.

— Отставить полицию, — отчеканила я, глядя поверх голов секьюрити прямо в черные глаза Корсакова. — Пациент с травмой лица поступил по острой боли ко мне на прием. Сейчас я проведу первичную обработку в смотровой, а ровно в девять ноль-ноль поднимусь в пятьсот первый бокс на обход.

Я развернула отца за плечи и повела его по коридору в сторону экстренного блока.

Шел он на удивление бодро. Стоило нам свернуть за угол и скрыться из виду холла, как его предсмертная хромота волшебным образом испарилась.

В пустой второй смотровой я толкнула отца на кушетку, заперла дверь изнутри на защелку и включила бестеневую

лампу над его головой.

Яркий хирургический свет сразу выдал всю картину без рентгена.

Я надела нитриловые перчатки, взяла пинцет со смоченным в перекиси тампоном и стерла размазанную кровь с его подбородка.

Отек под правым глазом отливал буро-желтым оттенком по краям. Свежие гематомы так не выглядят. Этому синяку шел второй день, его оставили вчерашние утренние визитеры. А источником алой крови на рубашке оказалась свежая ранка на внутренней стороне нижней губы с четким отпечатком его собственных зубов.

— Спектакль окончен, папа, — я бросила розовый тампон в лоток. — Никаких бандитов и нотариусов сегодня утром у нас дома не было.

Отец на кушетке замер и заморгал здоровым глазом:

— Лер, ты чего такое говоришь?! Меня полчаса назад в прихожей били!

— Тебя били вчера утром, — оборвала я его. — Гематома под глазом уже зацвела желтизной, а губу ты сам себе прокусил пять минут назад в кустах у больничных ворот для красивой картинки. И про дарственную врать будешь своим дружкам по ставкам. Любая сделка с долями недвижимости проходит через МФЦ и Росреестр, на коленке в коридоре квартиры за полчаса ее оформить невозможно.

Отец сдулся на глазах. Плечи его опустились, страдальче-

ская гримаса сменилась привычным затравленным выражением.

— Они мне в семь утра на домашний телефон звонили! — зачастил он, теребя край болоньевой куртки. — Сказали, завтра к вечеру ждут двести тысяч, иначе в субботу утром заселят квартирантов! А ты вещи собрала, сбежала, трубку заблокировала! Как мне тебя еще выцепить оставалось?! Пришел бы я на пост спокойно, меня бы твои церберы на порог не пустили!

Я смотрела на него, и внутри выгорали последние остатки дочернего сочувствия. Ради очередной подачки он без колебаний вывалял меня в грязи перед заведующим, коллегами и главным акционером клиники.

— Дай хоть пятьдесят тысяч, Лерусь, — заныл он, заглядывая мне в лицо. — Я им сегодня отвезу, покажу серьезность намерений, они отсрочку дадут на месяц! У тебя же с карточки списание прошло, значит, кредитный лимит обновился, сними в банкомате!

В дверь смотровой постучали. Ручка повернулась, и в бокс быстро шагнул Максим, плотно прикрывая за собой створку.

— Лера, ты как? — он подскочил ко мне, с тревогой заглядывая в глаза и обнимая за плечи. — Прости меня, пожалуйста, я в холле растерялся! Игнатьев вцепился мне в рукав мертвой хваткой и шипел стоять смирно, пока Корсаков в лифт не зайдет, иначе он тебя за нарушение режима уволит

одним днем!

От тепла его рук и взволнованного голоса комок в горле немного отпустил. Значит, его держал заведующий. А я в холле уже успела подумать о нем бог весть что.

— Слышал я ваш разговор, Виктор Сергеевич, — Максим повернулся к моему отцу, и в его голосе зазвучала твердая мужская сталь. — У Леры лишних денег нет и в банкоматах ничего для вас не лежит. Сейчас вы встаете, умываетесь над раковиной и едете домой через служебный выход. Еще раз устроите концерт в клинике, разговаривать будете со мной и со службой безопасности.

Отец под холодным взглядом высокого широкоплечего хирурга поспешно закивал и бочком двинулся к умывальнику.

Максим достал из бумажника две тысячи, сунул ему в карман куртки на такси и буквально выставил за дверь к запасному крыльцу.

Вернувшись ко мне, он бережно обхватил мои ладони и поцеловал костяшки пальцев.

— Руки ледяные, — прошептал он, прижимая меня к своей груди. — Иди умойся и переоденься в чистую форму. Утренние отчеты по приемнику я за тебя Игнатьеву сдал, шефа беру на себя. Вечером в восемь жду тебя у входа, наш вчерашний ужин остается в силе.

Я прижалась лбом к его плечу на пару секунд, вдыхая запах свежего кофе и его парфюма.

— Спасибо тебе, Макс.

Ровно в девять утра я вошла в пятьсот первый бокс на пятом этаже.

В палате было светло, шторы на панорамных окнах раздвинули, впуская хмурое осеннее солнце. Елена Станиславовна полулежала на подушках и с аппетитом ела овсяную кашу с печеным яблоком. При виде меня ее лицо озарилось улыбкой.

— Доброе утро, Лерочка! А я сижу и гадаю, пустят вас сегодня ко мне или Саша опять всех врачей в отделении построил.

— Доброе утро, Елена Станиславовна, — я подошла к кровати, проверяя показатели на мониторе. Температура тридцать шесть и семь, сатурация девяносто восемь, по дренажу чисто. — Как спалось после ночной эпопеи?

— Как в санатории! — рассмеялась женщина, откладывая ложку на поднос. — Вы вчера ушли, а я до восьми утра без единого пробуждения проспала. Только вид у вас сегодня бледный, девочка.

Я аккуратно прослушала ее легкие фонендоскопом и проверила послеоперационную повязку.

— Вам сегодня после обеда разрешаю садиться на край кровати, свесив ноги, на десять минут под контролем медсестры. И никаких резких движений руками.

— Слушаюсь, товарищ командир, — шутливо козырнула пациентка. — Кстати, Саша утром заходил мрачнее тучи.

Сказал, внизу у вас какое-то ЧП с буйным посетителем приключилось. Надеюсь, вас это не задело?

Мои пальцы с пинцетом на долю секунды замерли над марлевой салфеткой.

Корсаков промолчал. Он не рассказал матери, чей именно отец валялся утром в крови на полу перед лифтами.

Неожиданное благородство? Едва ли. Скорее прагматичный расчет: зачем волновать мать после операции на сердце лишними подробностями из жизни обслуги.

Когда я вышла из палаты в коридор, Корсаков стоял у поста медсестры, подписывая какие-то бумаги для курьера из своего офиса.

Отпустив сотрудника, он повернулся ко мне и жестом пригласил отойти к окну в конце холла.

— Состояние Елены Станиславовны стабильное, температура спала, к вечеру уберем перикардиальный дренаж, — первой начала я, глядя на папку в своих руках.

— Это я уже видел в утренней сводке, — произнес Корсаков. Он стоял напротив, заложив руки за спину, и буравил меня пристальным взглядом. — Что это за утренний цирк был на первом этаже, Воронова?

Я вскинула подбородок:

— Это мое личное дело, Александр Викторович. К работе клиники и лечению вашей матери оно отношения не имеет.

— Любой фактор, отвлекающий лечащего врача моей матери, имеет ко мне прямое отношение, — отрезал он. — Ваш

отец проигрался?

От его проницательности мне захотелось провалиться сквозь паркет.

— С чего вы взяли?

— Я вырос в девяностые, Валерия Сергеевна, и людей, задолжавших катранам, узнаю с трех шагов по бегающим глазам и лексикону, — в его голосе прозвучала холодная насмешка. — Мой вам совет: решите свои семейные вопросы за пределами «Гелиоса» и в сжатые сроки. Если этот человек появится здесь снова или его кредиторы вздумают караулить вас у больницы, я церемониться с вами перестану.

— Не переживайте за свой покой, — процедила я, чувствуя, как от ненависти к этому человеку начинают гореть скулы. — Моя смена в вашем крыле заканчивается в пять вечера. Больше вас никто не побеспокоит.

В два часа дня мне позвонила Катька из приемного покоя на первом этаже и взмолилась о помощи:скорая привезла подряд две автокатастрофы, а в амбулаторном кабинете скопилась очередь на плановые перевязки.

Взяв разрешение у старшего ординатора кардиологии отлучиться на час, я спустилась вниз в третью смотровую.

Закончив обрабатывать ожог пожилому мужчине, я выглянула в коридор:

— Следующий по записи, проходите!

От стены отделилась высокая мужская фигура в сером пальто.

Даниил Вяземский.

Увидев меня, он тепло улыбнулся, снял пальто на вешалке у входа и опустился на стул возле перевязочного столика.

— Какая приятная встреча, Валерия Сергеевна, — мягко сказал он, аккуратно высвобождая левую руку из черного бандажа. — А я шел сюда и боялся попасть в руки к какому-нибудь суровому хирургу.

— Я же вам во вторник написала наблюдаться в поликлинике по месту жительства, Даниил Игоревич, — я невольно улыбнулась в ответ, обрабатывая перчатки спиртом. После ледяного высокомерия Корсакова спокойный и деликатный Вяземский действовал на нервы как бальзам. — Зачем деньги на платный прием тратите?

— В районной поликлинике очередь на две недели вперед, а здесь работают вы, — просто ответил он. — Вырезку из бюджета я переживу, зато за руку спокоен.

Я осторожно сняла старую марлевую накладку. Шов выглядел идеально: края ровные, без малейшего покраснения или отека.

— Заживает отлично, — похвалила я, промакивая нити хлоргексидином. — Видно, бережете руку.

— Стараюсь следовать вашим инструкциям до запятой, — Даниил помолчал секунду, наблюдая за тем, как я накладываю свежую стерильную салфетку, а затем тихо добавил: — Валерия Сергеевна, простите мне мою бестактность... Я сегодня в половине девятого утра заезжал в регистратуру

оплатить вечерний прием и невольно стал свидетелем сцены у турникетов.

Мои руки замерли над рулоном пластыря. Щеки мгновенно залила краска стыда.

Замечательно. Значит, утренний позор с отцом видели вообще все.

— Я не собираюсь лезть к вам в душу с расспросами, — быстро и очень тактично произнес Вяземский, заметив мою реакцию. — Просто вчера вечером у ломбарда вы упомянули житейские трудности, а сегодня ваш отец кричал про принудительную дарственную на долю в квартире. Как юрист по гражданским и имущественным спорам я знаю, насколько грязно работают квартирные рейдеры.

Я отрезала полоску пластыря ножницами и подняла на него глаза.

Ведь точно. Вчера под дождем он говорил, что работает в юридической консультации!

— Скажите, Даниил Игоревич, — осторожно начала я, садясь на табурет напротив него. — Допустим чисто теоретически: у квартиры два собственника в равных долях. Один из собственников страдает игровой зависимостью, набрал долгов у криминальных структур, и те требуют от него переписать свою половину жилья по договору дарения третьим лицам. Второй собственник может как-то заблокировать эту сделку законным путем?

Вяземский поправил очки на переносице, и его взгляд

сразу стал собранным и профессиональным.

— Заблокировать дарение напрямую второй дольщик не может, закон требует согласия соседей только при купле-продаже, — четко разложил он. — Но в вашем теоретическом случае есть один железобетонный рычаг. Статья тридцатая Гражданского кодекса: ограничение дееспособности гражданина, который вследствие пристрастия к азартным играм ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Я подалась вперед, ловя каждое его слово:

— Но ведь суд по ограничению дееспособности длится месяцами! А если дарственную подпишут завтра?

— А для этого одновременно с подачей иска в районный суд подается ходатайство о принятии обеспечительных мер, — уголок губ Даниила приподнялся в спокойной уверенной улыбке. — Судья рассматривает такое заявление в день поступления без вызова ответчика и выносит определение о запрете Росреестру регистрировать любые сделки с его долей до конца процесса. Бумага уходит приставам электронно, и через сутки ни один нотариус в стране не сможет провести отчуждение квартиры.

У меня в груди словно распахнули окно со свежим воздухом.

Запрет регистрационных действий через суд! В день подачи иска! Если на квартире будет висеть судебный арест, доля отца станет для бандитов бесполезным куском бумаги,

который невозможно ни продать, ни подарить!

— Какие документы нужны для такого заявления? — с надеждой спросила я.

— Выписка из реестра на квартиру, паспортные данные вашего отца и любые косвенные подтверждения его игры или долгов: выписки по переводам, квитанции из ломбардов, постановления участкового, — Даниил достал из нагрудного кармана рубашки строгую белую визитку с номером телефона и положил на край моего стола. — Пришлите мне сегодня вечером фотографии документов в мессенджер. У меня помощник завтра в девять утра едет в районный суд сдавать пакет бумаг, заодно подаст и ваше ходатайство. К обеду пятницы арест уже будет в базе Росреестра.

Я смотрела на визитку, не веря собственному счастью.

— Даниил Игоревич, сколько будут стоить ваши услуги? Я смогу оплатить только со следующей недели...

— Обижаете, доктор, — мягко упрекнул он, поднимаясь со стула и надевая пальто. — Вы мне во вторник руку собрали за спасибо, а составить типовое ходатайство на две страницы для меня дело пятнадцати минут. Считайте это профессиональным бартером. Буду ждать фото бумаг вечером.

Когда дверь за ним закрылась, я прижала белую карточку к груди и впервые за эти безумные дни улыбнулась без тяжести на сердце. Выход найден. Нужно только после смены заскочить домой, пока отец отсыпается или бегает по своим приятелям, сфотографировать его паспортные данные из до-

мовой книги, приложить сегодняшнюю квитанцию из ломбарда и отправить все Даниилу!

В половине шестого вечера, сдав дежурство на пятом этаже ночной смене, я съездила к себе на квартиру.

Отец спал в своей комнате за закрытой дверью. Замок на входной двери он кое-как прикрутил обратно старыми саморезами. Я тихо прошла в свою спальню, достала из нижнего ящика комода папку со старыми квитанциями, копией отцовского паспорта и свидетельством о праве собственности, пересняла каждый лист на телефон и сразу переслала файлы по номеру Вяземского.

Ответ от Даниила пришел через две минуты: *«Все получил, Валерия Сергеевна. Документов более чем достаточно. Иск уже готовлю, завтра утром пускаем в ход. Отдыхайте и ни о чем не тревожьтесь»*.

К восьми вечера я летала как на крыльях.

Максим встретил меня у метро на своей машине с огромным букетом белых хризантем на заднем сиденье.

Мы поехали в тихий уютный ресторанчик на набережной, вдали от клиники, пафосного «Белладжио» и тяжелых взглядов Корсакова. Весь вечер Максим был мужчиной, о котором мечтает любая уставшая от жизни женщина: заботливым, внимательным, смешным и бесконечно нежным. Он ухаживал за мной, расспрашивал про детство, рассказывал смешные истории со студенческой скамьи, а когда мы после ужина вышли прогуляться по деревянному настилу у воды,

снял с себя шарф и укутал мне шею от речного ветра.

У подъезда Катькиного дома он припарковал кроссовер в тени кленов, отстегнул ремень безопасности и повернулся ко мне.

— Кажется, мне удалось вернуть твою улыбку на место, — тихо сказал он, проводя кончиками пальцев по моей щеке.

— Удалось, — призналась я.

Он наклонился ближе и накрыл мои губы поцелуем. Мягким, теплым, кружащим голову после бокала глинтвейна и двух суток бесконечного напряжения. Я прикрыла глаза, отвечая ему и позволяя себе наконец почувствовать себя просто любимой женщиной, за спиной которой стоит надежный человек.

В кармане моего пальто вдруг пронзительно зазвонил мобильный.

Я неохотно отстранилась от Максима и достала телефон. На экране высвечивался внутренний номер поста кардиореанимации пятого этажа.

Часы на приборной панели показывали половину двенадцатого ночи.

— Алло, Таня? — я прижала трубку к уху. — Что случилось?

В динамике раздался сорванный, захлебывающийся плачем голос постовой медсестры:

— Валерия Сергеевна, приезжайте скорее! У нас катастрофа! Полчаса назад у Елены Станиславовны случилась

остановка сердца, еле завели дефибриллятором, сейчас перевели на ИВЛ в кому!

У меня перехватило дыхание.

— Какая остановка?! — выкрикнула я, выпрямляясь на сиденье. — Я в пять вечера оставляла ее в идеальном состоянии с чистыми анализами! Что вы ей вводили вечером?!

— То, что вы в шестнадцать сорок в электронный лист назначений внесли под своим паролем! — рыдала в трубку Таня. — Двойную дозу бета-блокаторов внутривенно струйно! У нее пульс рухнул до двадцати и пошла асистолия! Тут сейчас Корсаков с охраной и Игнатьевым всю реанимацию разносят, вызвали следственную группу, кричат, что вы умышленно убили пациентку из мести за утренний скандал!

Телефон чуть не выскользнул из моих онемевших пальцев.

В шестнадцать сорок я была на первом этаже в перевязочной, а свой рабочий планшет с открытой электронной картой оставляла на посту пятого этажа.

Я медленно повернула голову к сидящему рядом Максиму.

И вспомнила одну деталь: ровно в половине пятого вечера, когда я поднялась за вещами, именно Максим выходил из ординаторской пятого этажа с моим планшетом в руках, объяснив, будто зашел проверить графики консультаций.

Я медленно опустила телефон на колени и повернула голову к водительскому креслу.

Улыбка еще не успела сойти с лица Максима. Он потянулся рукой к моей щеке, собираясь продолжить прерванный поцелуй, но встретился со мной взглядом и замер.

— Лер, ты чего? — насторожился он. — Кто звонил? На тебе лица нет.

— Из кардиореанимации звонили, — я отодвинулась к пассажирской дверце, уходя от его ладони.— Полчаса назад у матери Корсакова остановилось сердце. Еле откачали, сейчас она в коме на искусственной вентиляции.

Максим выпрямился в кресле и переменился в лице:

— Остановка? От чего? У нее же к вечеру все показатели выровнялись!

— От двойной дозы бета-блокаторов внутривенно, которую Таня ввела ей на ночь по листу назначений, — я не сводила глаз с его переносицы. — Приказ внесли в электронную базу сегодня в шестнадцать сорок с моего рабочего планшета.

В салоне кроссовера воцарилась тишина. Было слышно только шуршание дождевых капель по лобовому стеклу.

— В шестнадцать сорок я работала в перевязочной на первом этаже и заполняла карты со стационарного компьютера, — продолжила я. — Обходной планшет со сбившимся аккумулятором я в два часа дня оставила на зарядке у сестринского поста пятого этажа. В перевязочную его брать по инструкции нельзя. А вот ты в половине пятого выходил из ординаторской с моим планшетом в руках. Что ты делал в

электронной карте моей пациентки, Максим?

Соколов уставился на меня с возмущением:

— Лера, ты в своем уме?! Ты сейчас обвиняешь меня в том, будто я специально вписал смертельную дозу матери главного акционера клиники?!

— Я не знаю, какую цель ты преследовал, — отрезала я. — Может, решил скорректировать мою схему лечения,чтобы завтра на утреннем обходе похвастаться перед заведующим. А когда не рассчитал дозировку с учетом утренней капельницы, предпочел промолчать.

— Бред какой-то! — Максим ударил ладонями по рулю. — Твой планшет стоял на краю стойки поста прямо над рядом с ведром санитарки, которая мыла панели хлоркой! Игнатьев шел с обхода, увидел оставленный без присмотра планшет, занес его в ординаторскую и бросил мне на стол со словами передать тебе! Я в экран даже не заглядывал!

Я смотрела на его красивое взволнованное лицо, и внутри не шевельнулось ни капли доверия.

Слишком гладко все звучало. Вчера вечером в истории с украденной премией был виноват Игнатьев. Сегодня утром, когда Максим спрятался у лифта за чужую спину, его якобы снова удерживал за рукав Игнатьев. И теперь с планшетом опять всплыла фамилия заведующего.

Сколько можно кормить меня сказками и прятаться за начальника при первой опасности?

— Заводи машину, — холодно сказала я, застегивая паль-

то.

— Лер, посмотри на меня! — он попытался перехватить мою руку на подлокотнике. — Клянусь тебе, я не трогал карту Корсаковой! Ты же не веришь в эту чушь?!

Я выдернула пальцы из его ладони:

— Словам я больше не верю, Соколов. Лимит красивых оправданий ты исчерпал. В клинике на каждом углу висят камеры наблюдения, там и посмотрим, кто и во сколько брал планшет. Жми на газ.

Максим поджал губы, запустил двигатель и вывернул руль на проспект. Всю дорогу до больницы мы не проронили ни слова.

У приемного покоя кроссовер резко затормозил рядом с патрульной машиной полиции.

Я выскочила из салона на ходу и бросилась к раздвижным дверям корпуса.

— Лера, стой! Подожди меня! — крикнул вдогонку Максим.

Я не обернулась. Вбежала в холл, нажала кнопку скоростного лифта и только перед закрывающимися створками заметила странную картину: Максим влетел в вестибюль, но вместо лифтов свернул в боковой коридор административного крыла и бегом бросился вниз по лестнице цокольного этажа.

На губах у меня появилась горькая усмешка.

Вот и вся цена его клятвам. Запахло полицией и след-

ственным комитетом, и мой кавалер первым делом побежал с черного хода спасать собственную шкуру.

На пятом этаже у поста кардиореанимации яблоку негде было упасть.

Двое сотрудников полиции в форме перекрывали выход к лестнице. У стойки сидел следователь в штатском, раскладывая бланки протоколов. Рядом с ним суетился бледный Игнатьев с распечатками в руках, а у стеклянной стены бокса стоял Александр Корсаков.

При звуке открывшихся дверей лифта Корсаков повернул голову.

От его взгляда у меня перехватило дыхание. В темных глазах плескалась такая концентрированная ярость, будто он готов был свернуть мне шею голыми руками прямо на глазах у полиции.

— Явилась! — взвизгнул Игнатьев, тыча в меня пальцем со стопкой бумаг. — Товарищ капитан, вот она! Старший врач смены Воронова! В шестнадцать сорок в ее планшет в лист назначений Елены Станиславовны внесли пятнадцать миллиграммов метопролола струйно поверх базовой терапии! Пациентка в одиннадцать вечера дала асистолию и клиническую смерть на четыре минуты!

Следователь поднял голову от бумаг:

— Гражданка Воронова, подойдите к столу. Вы подтверждаете внесение препарата в электронную карту?

Корсаков шагнул мне навстречу, загораживая проход к

палате. Высокий, страшный в своем ледяном бешенстве, он остановился вплотную.

— Решила отыграться на беззащитной женщине за утренний позор и срезанную зарплату, тварь?— тихо, только для моих ушей процедил он. — Если моя мать не выйдет из комы, ты сгниешь в колонии. Я лично прослежу, чтобы тебе дали максимальный срок по полной программе.

Я вскинула голову, глядя прямо в его искаженное ненавистью лицо.

— Отойдите с дороги, Корсаков, — отчеканила я и повернулась к следователю. — В шестнадцать сорок я находилась на первом этаже в третьей перевязочной. Мой магнитный пропуск зафиксирован на турникете экстренного блока, а в журнале приема расписались два амбулаторных пациента, включая юриста Даниила Вяземского. Планшет оставался здесь на посту. Поднимите запись камеры наблюдения над стойкой за пять часов вечера, и вы увидите, кто именно вбивал это назначение!

Игнатьев тут же развел руками с прискорбной миной:

— Увы, товарищ капитан, я уже запрашивал службу охраны. Сегодня после обеда на пятом этаже меняли блок питания видеосервера, и запись с камер этого крыла с трех до шести вечера не сохранилась из-за технического сбоя. Но электронный ключ врача в базе подделать невозможно!

У меня похолодели кончики пальцев.

Технический сбой на три часа. Какое удивительное сов-

падение. Значит, запись с камеры поста уже успели подчистить!

Договорить мне не дал пронзительный красный сигнал тревоги из пятьсот первого бокса.

Через стеклянную перегородку было видно, как засуетился вокруг кровати дежурный реаниматолог, а кривая на кардиомониторе снова поползла вниз, распадаясь на редкие зубцы. Пульс тридцать два. Давление пятьдесят на тридцать.

— У нее повторная брадиаритмия! — закричала из дверей бокса медсестра Таня. — Атропин не берет, адреналин не действует, сердце сейчас снова встанет! Павел Борисович, помогите!

Игнатьев попятился к посту, растерянно хлопая глазами. Великий теоретик и администратор боялся подойти к умирающей пациентке под взглядом следователя.

Я оттолкнула плечо Корсакова со своего пути и рванула в бокс, на бегу срывая с вешалки халат.

— Стоять! Куда пустили подозреваемую?! — рявкнул Игнатьев.

— Заткнитесь оба! — крикнула я через плечо Корсакову и заведующему, влетая в палату и натягивая перчатки. — В тюрьму меня утром посадите, а сейчас у нее тяжелое отравление бета-блокаторами, ваш адреналин тут бесполезен, рецепторы заблокированы! Таня, глюкагон пять миллиграммов из холодильника на стол! Быстро! И хлористый кальций десять процентов в шприц!

Дежурный реаниматолог у изголовья растерянно заморгал:

— При чем тут глюкагон, у нее же не сахарная кома...

— При том, что глюкагон запускает сокращения миокарда в обход бета-рецепторов, двоечник! Уйди от катетера!

Я перехватила порт центральной вены, ввела болюсную дозу антидота и следом подключила инфузию кальция.

Корсаков стоял в дверях бокса, побелевшими пальцами вцепившись в дверной косяк.

Секунда. Вторая. Пятая.

Редкие, затухающие писки монитора вдруг участились. Зеленая волна на экране выровнялась, набирая силу. Пульс пятьдесят четыре... шестьдесят восемь... семьдесят шесть. Давление поднялось до ста пяти на шестьдесят пять.

Я вытерла лоб запястьем, проверила реакцию зрачков Елены Станиславовны на свет фонарика и повернулась к Тане:

— Ставь глюкагон на капельное введение по три миллиграмма в час до утра. Угроза остановки снята.

Выйдя обратно в коридор, я стянула перчатки и бросила их в контейнер.

Игнатьев у стойки тут же оживился, указывая на меня следователю:

— Вот видите, товарищ капитан! Она точно знала, каким антидотом снимать действие препарата, потому что сама его вечером и назначила! Оформляйте задержание!

В этот момент створки грузового лифта в конце коридора с мелодичным звоном разъехались.

В холл быстрым шагом вышел Максим.

Джемпер на нем промок, дыхание сбилось, а в руках он держал раскрытый служебный ноутбук. Следом за ним из кабины выскочил перепуганный ночной системный администратор клиники с связкой ключей от серверной на поясе.

— Задержание придется отложить, товарищ капитан, — громко произнес Максим, подходя прямо к стойке и разворачивая экран ноутбука к следователю и Корсакову.

Игнатьев изменился в лице и шагнул к столу:

— Соколов, ты что себе позволяешь?! Кто дал тебе право врываться в серверную ночью?!

— Наш главный системный администратор дал, — Максим холодно усмехнулся, глядя заведующему прямо в глаза. — Вы, Павел Борисович, в одиннадцать вечера приказали охране стереть жесткий диск локального регистратора на пятом этаже. Только вы забыли, что с прошлого месяца все камеры реанимации каждые полчаса автоматически дублируют архив в облачное хранилище цокольного сервера. Мы успели вытащить файл за десять минут до полуночной перезаписи.

Я застыла у дверей бокса, не веря своим ушам.

Значит, внизу у входа Максим побежал не прятать улики. Он помчался в подвал к серверной, чтобы перехватить резервную копию записи раньше людей Игнатьева!

Максим нажал клавишу воспроизведения на ноутбуке.

На экране в высоком разрешении открылся вид сестринского поста пятого этажа. Часы в углу кадра показывали шестнадцать тридцать семь. Постовая медсестра ушла с лотком в процедурную. Через минуту в кадре появилась кардиолог Алина Кравцова. Оглядевшись по сторонам, девица подошла к стоящему на зарядке планшету, быстро вбила несколько строчек на светящемся экране и торопливо скрылась за дверью лестницы. А еще через три минуты к стойке подошел сам Игнатьев, проверил экран, захлопнул чехол и унес планшет в сторону ординаторской.

В коридоре наступила тишина.

Корсаков медленно перевел взгляд с экрана ноутбука на побелевшего Игнатьева.

Игнатьев схватился руками за край стойки и осел на стул, хватая ртом воздух.

Максим достал из папки сложенный бланк представления на должность заместителя главы департамента и бросил прямо перед носом заведующего:

— Подавитесь своим креслом, Павел Борисович. Я врачом работать шел, а не подлости вашей любовницы прикрывать.

Я смотрела на Максима, и как же стыдно мне было за мои недавние подозрения. Он поставил на кон свою карьеру, должность, расположение руководства и в одиночку разнес заведующего ради того, чтобы вытащить меня из-под уголов-

ной статьи.

Корсаков подошел к стойке, взял со стола ручку следователя и размашисто подписал бланк заявления:

— Товарищ капитан, забирайте обоих в управление. Юристы моего холдинга завтра к девяти утра передадут в следственный комитет все материалы по сговору, покушению на жизнь пациентки и фальсификации улик.

Пока полицейские поднимали обмякшего Игнатьева, Корсаков повернулся к Максиму:

— Доктор Соколов, с этой минуты вы назначаетесь исполняющим обязанности заведующего отделением. Утром примите дела у секретаря.

Затем Корсаков перевел тяжелый взгляд на меня.

Ни единого слова извинений за то, что десять минут назад он называл меня тварью и грозил сгноить в колонии, я от него не услышала.

— А вы, доктор Воронова, — ледяным тоном произнес он, — завтра напишете объяснительную по факту оставления служебного планшета на посту. Если бы вы вышли из своей учетной записи перед уходом на первый этаж, моей матери не пришлось бы сегодня пережить клиническую смерть. Свободны оба.

Он развернулся и ушел в предбанник палаты Елены Станиславовны.

Неблагодарный, высокомерный хам! Я вытащила его мать с того света второй раз за двое суток, его сотрудники устро-

или заговор за моей спиной, а виновата у Корсакова все равно осталась я!

Когда мы с Максимом спустились на первый этаж к выходу, ноги у меня подкашивались от пережитого нервного удара.

В пустом темном тамбуре у дверей Максим остановился, повернул меня к себе и крепко прижал к груди.

И в этот раз я обняла его в ответ со всей силой, уткнувшись лицом в его воротник.

— Прости меня, Макс, — прошептала я. — Я в машине таких глупостей тебе наговорила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.